

ключаться в том, что крест, бывший первоначально без всякого убранства или утративший таковое (возможно, даже не армянской работы¹⁰), украсили чеканными и резными изображениями, вставками из стекол и камней и снабдили с лицевой и оборотной сторон армянскими надписями¹¹. Предположительной датой изготовления загорского креста (без украшений и над-

писей), полагаем, можно считать рубеж XV—XVI вв. Вопрос же о месте его выполнения остается пока открытым. Дальнейшее углубленное исследование этого памятника, вероятно, позволит найти для него более точные хронологические рамки и, быть может, разрешит связать его с каким-нибудь конкретным центром.

А. КАКОВКИН (Ленинград)

МОГИЛЬНИК РАННЕАРМЯНСКОГО ВРЕМЕНИ В ПОСЕЛКЕ БЕРД ШАМШАДИНСКОГО РАЙОНА

В конце ноября 1968 г. в парке культуры и отдыха поселка Берд при строительстве плавательного бассейна в траншее подпорной стены были открыты три погребения. При исследовании выяснилось, что погребения находятся в 300 метрах западнее от Бердской циклопической крепости¹, на глубине 0,7—1 м от поверхности и не имеют наружных следов. Погребения, насколько удалось заметить по третьему, не полностью раскопанному погребению, были грунтовыми с каменной насыпью. Все они были обнаружены на линии север-юг на расстоянии 5—8 м друг от друга и представляют коллективные захоронения².

¹⁰ Отсутствие аналогичных по форме армянских крестов заставляет нас сделать эту оговорку.

¹¹ Эту же точку зрения высказала и С. Тер-Нерсисян М. М. Постниковой в письме от 3 декабря 1968 г., особо отмечая идентичные начертания отдельных букв (в частности, «*o*») в надписях на лицевой и оборотной сторонах креста и близкий характер трактовки голов в чеканном и резных изображениях на нем.

Пользуясь случаем, приношу сердечную благодарность М. М. Постниковой, Г. В. Саркисяну и Л. Т. Гюзальяну за их ценные советы и содействие при написании этой статьи.

¹ См. Г. А. Микаелян, С. А. Есян. Циклопические крепости Шамшадинского и Красносельского районов (на арм. яз.), «Историко-филологический журнал» АН Арм. ССР, 1968, № 3, стр. 921.

² В том же исследованном погребении мне удалось обнаружить три черепа. По

инвентарь погребений, обнаруженный по мере рытья траншей, тщательно собран и хранится по комплексам в разных местах, что дает возможность рассматривать их в отдельности.

Погребение 1 содержало в основном керамический инвентарь, состоящий из десяти фиал, одной кружки и различных кувшинов. Здесь же была обнаружена небольшая пряжка.

Погребение 2 содержало большое количество железного оружия, представленного разнообразными копьями, ножами, кинжалами с бронзовыми ножами и бронзовыми панцирными дисками. Найдено также большое количество бронзовых украшений в виде разнообразных гривен, серег, подвесок стеклянных и бронзовых бус, а также замечательных крупных булавок в виде стержней со спиралевидными завитками. Встречается также другой тип булавок в виде круглых длинных стержней с небольшим утолщением в верхней части.

Погребение 3 содержало инвентарь, близкий к погребению 2, отличаясь большим количеством и разнообразием материала, не имеет, однако, булавок первого типа.

Таким образом, инвентарь двух погребений идентичен по содержанию, и все три погребения относятся к одному и тому же времени. Это обстоятельство дает возможность сгруппировать найденные предметы по типам.

Керамические изделия, как уже отмечалось, происходят из первого погребения. Ос-

ловам рабочих, в погребениях было погребено не менее 10 человек.

новную их группу образуют 10 целых и фрагментированных чаш (табл. I, рис. 1—3). Все они красного, розового и темно-коричневого цветов с прекрасным лощением. По своему виду чаши похожи на фиалы. Кроме двух экземпляров, имеющих плоское дно, остальные имеют округлое днище, переходящее в сильно профилированные рас-

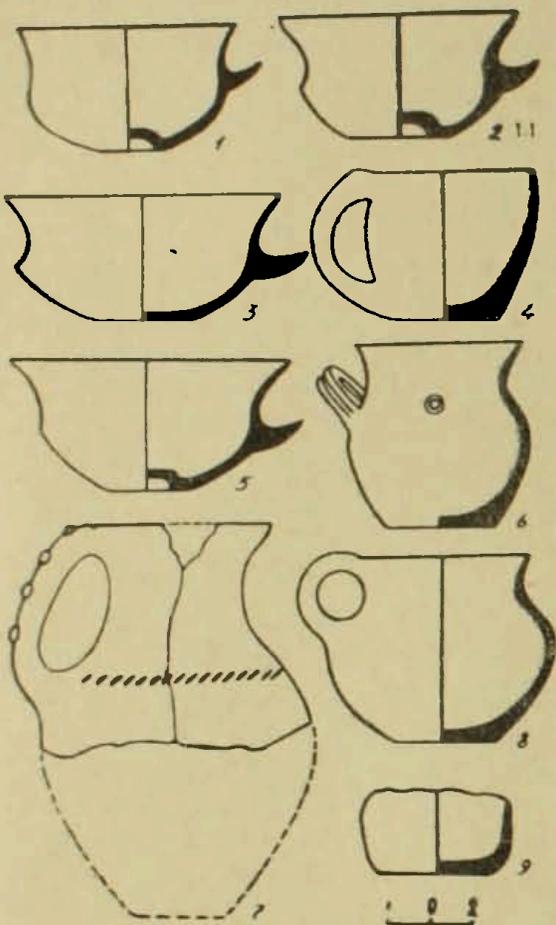

Таблица I.

ширяющаяся шейки с округлым венчиком. Чаши с округлым днищем в центре донныша с наружной стороны имеют круглые выемки, переходящие с внутренней стороны в округлый выступ. Все чаши в части перехода донныша в шейку снабжены ручками в виде округлых, заостренных выступов, что, насколько нам известно, встречается впервые на подобных чашах из Армении и Закавказья. Переход от донныша к шейке подчеркнут и дается в виде выступа.

Подобные чаши-фиалы известны в Армении из Джарратского могильника³, из пос-

³ См. А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян. Новые данные о материальной культуре древней Армении, «Изв. АН Арм. ССР» (общ. науки), 1961, № 8, стр. 76.

леурартского погребения на территории Тейшебаини (Кармир-блур) и Гарни, причем последний имеет шишечку в центре⁴, что встречается на металлических чашках из Бешташена, Ахалгорийского клада и Алгетского погребения⁵. Целый ряд подобных чаш с шишечкой в центре донныша имеется в погребениях более позднего времени близ современного Кировабада⁶ и Мингечаура⁷.

Как видно из приведенного материала, подобные чаши-фиалы имеют значительное распространение в памятниках Армении и Закавказья раннеармянского времени (V—IV вв. до н. э.) и бытуют до начала нашего летосчисления. Подобные бронзовые сосуды имеются также из Персеполя⁸. Сходные чаши известны также из находок Кармир-блур, что, как правильно отметил Г. А. Тирацян, может быть признано предшествующими формами для вышеуказанных чаш-фиал послеурартского времени⁹.

Вторую группу керамических изделий составляют одноручные кувшины, имеющие несколько вариантов (табл. I, рис. 6, 8; табл. III, рис. 20—22). Три из них представлены небольшими кувшинчиками черного и розового цветов со слабым лощением. Сосуды имеют округлое тулово, небольшую суженную шейку и крупную округлую ручку, берущую начало от края вен-

⁴ См. А. А. Мартиросян. Город Тейшебаини, Ереван, 1961, стр. 144.

⁵ См. Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 46, табл. IV, XV.

⁶ Раскопки Г. О. Розендорфа близ г. Елизаветполя и селения Елендорфа. Отчеты Археологической комиссии 1903, стр. 92—93; Раскопки В. Н. Скиндера, А. А. Спицына. Некоторые закавказские могильники, «Известия Археологической комиссии», вып. 29, 1909, стр. 6; Я. И. Гуммель. Археологические очерки, Баку, 1940, стр. 149—160, рис. 6; Т. С. Пассек. Джафарханский могильник, «Вестник древней истории», 1946, № 2, стр. 177—179.

⁷ См. Н. В. Минкеевич-Мустафаева. О раскопках в Мингечауре. Материальная культура Азербайджана, т. I, табл. VI, рис. 8.

⁸ E. Schmidt, Persepolis, II, Chicago, 1957, табл. 68.

⁹ См. Г. А. Тирацян. Урарту и Армения, «Вестник обществен. наук» АН Арм. ССР, 1968, № 2, стр. 19.

чика, которая, возвышаясь над ним, отходит к основанию шейки. Подобной формы сосуды, правда безручные, в большом количестве известны из Джрарата и Кармир-блур. Отдельно стоит кувшинчик, дугообразная ручка которого вертикально поставлена на плечиках. В центре ручки идет выемчатая линия, столь характерный признак для керамики рассматриваемого времени и встречающийся на ручках сосудов из Джрарата, Иджевана¹⁰ и других памятников. Два других сосуда представляют собой широкогорлые кувшины, представленные во фрагментарном виде. Кувшины имеют высокое вытянутое тулово с суженной шейкой и округлым венчиком. Ручки дугообразные. Ручка одного кувшина украшена четырьмя наклепными кружочками. Под шейкой обоих кувшинов проходит вдавленный ногтевой орнамент. Кувшины бледно-розового и желтого цветов. По своей форме они сближаются с аналогичными сосудами из Джрарата и Атарбеяна¹¹.

Два ручных сосуда представлены в единичных экземплярах, это изделия грубой ручной лепки. Один из них — небольшая кружка с прямыми бортами, со срезанным венчиком и широким плоским дном. Ручка, начинаясь от венчика, отходит к днищу. Второй — небольшая солонка (табл. I, рис. 9).

Предметы вооружения представлены разнообразными видами железных копий, кривых ножей, кинжалов, бронзовых панцирных блях и дисков.

Большую группу составляют железные наконечники копий (30 штук), делящиеся по своему внешнему виду на несколько типов.

К первому типу относятся 10 копий с длинной узкой втулкой, с продольной прорезью. Большинство они листовидные с четко проходящим по всей длине срединным ребром (табл. II, рис. 12—14). Подобные копия характерны для позднеурартского времени и продолжают бытовать в раннеармянскую и античную эпоху. В Армении

подобные копия известны из Храноца¹², Ворнака, Качагана, Атарбеяна, Октемберяна, Джрарата, Иджевана, Техута (близ Агарцина), Ачаджур и из погребения и поселения Астхи-блур¹³. Второй тип копий представлен 11 экземплярами наконечников, имеющих аналогичную форму с копиями первого типа, отличающихся от первых тем, что срединное ребро заходит на $\frac{1}{2}$ или на середину наконечника (табл. II, рис. 10, 11). Подобные наконечники копий были известны из раскопок А. О. Мнацаканяна в Атарбеяне.

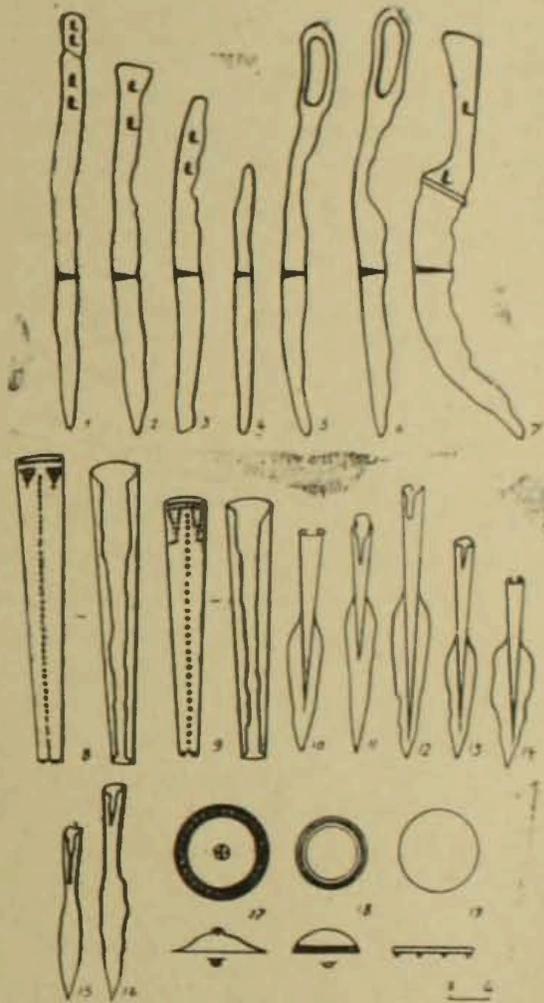

Таблица II.

К третьему типу относятся девять наконечников копий, имеющих аналогичную форму с вышерассмотренными экземплярами, отличаясь от них отсутствием срединного ребра, причем наконечник имеет плоское или овальное сечение (табл. II, рис. 15, 16).

¹⁰ См. С. А. Есаян. Археологические находки близ поселка Иджеван, «Изв. АН Арм. ССР» (общ. науки), 1961, № 4, стр. 75.

¹¹ См. А. О. Мнацаканян. Раскопки могильников у селения Атарбеян в Арм. ССР, КСИИМК 60, 1955, табл. V, стр. 31.

¹² См. А. А. Мартиросян. Раскопки в Головино, Ереван, 1954, табл. I.

¹³ См. С. А. Есаян. Астхи-блурский могильник, «Вестник обществ. наук» АН Арм. ССР, 1968, № 6, табл. IV, VIII.

Подобные копья известны из Еревана (Кармир-блур и Ботанический сад), Мухана, Такавораниста, Ангегакота, Атарбекяна, Двина, Ворнака и Гориса. Большая часть их датируется ранней эпохой (VII—VI вв. до н. э.), и лишь копья из Двина и Ворнака могут быть отнесены к рассматриваемому времени — V—IV вв. до н. э.

Интересную группу изделий образуют кривые ножи и кинжалы, клинки которых трудно отличить друг от друга, так как они типологически близки и имеют однолезвинные клинки. Все они, как и копья железные, делятся на несколько типов. К первому типу относятся семнадцать кинжалов с длинными прямыми или слегка изогнутыми клинками с односторонней заточкой. Острия заострены или чуть закруглены. Рукоять образует продолжение клинков, на которых сохранились до 5 гвоздей для закрепления накладок (табл. II, рис. 1—3). На одном кинжале из погребения 2 сохранились следы железной накладки. Рукояти пяти кинжалов чуть сужены в центре и округлены в верхней части.

Второй тип образуют пять ножей, имеющих аналогичные клинки с кинжалами, но отличающихся от них формой рукоятей. Рукояти являются продолжением клинков, в виде небольших заостренных язычков, на которые насаждались деревянные рукояти (табл. II, рис. 4). В этой группе выделяются два ножа. Один из них снабжен небольшой бронзовой обоймой рукояти. Второй нож (погр. II) имеет резко изогнутый клинок, напоминающий по своей форме серп (табл. II, рис. 7). Изогнутые ножи по своей форме сближаются с таковыми из Ворнака, Ахпата и Астхи-блур.

Третий тип представлен четырьмя ножами, рукояти которых расширены и в центре имеют кольцевидно-продолговатую форму (табл. II, рис. 5, 6). У всех ножей клинки большей частью сломаны и сохранились у рукоятей. Подобные ножи относятся к сравнительно малоизвестным ножам Армении. До недавнего прошлого они были известны из Джрарата, Ахталы и Мусиери, то есть в основном из памятников северной части Армянского нагорья. В последние годы нами обнаружено несколько ножей из памятников северо-восточной Армении. Подобные ножи обнаружены в Астхи-блуре, Техуте (Агарцин) и близ Ачаджура, что значительно расширяет ареал их распространения

и одновременно дает возможность предполагать, что ножи с кольцевой рукоятью являются формой локального производства Северной Армении.

Значительный интерес представляют бронзовые ножи кинжальных клинков, представленные шестью экземплярами (один из погребения 2 и пять из погребения 3) и делящиеся на два типа.

К первому типу относятся пять ножен, изготовленных из тонкой листовой бронзы, которая свернута и образует с наружной стороны цельную поверхность, в то время как с противоположной стороны концы значительно отстоят друг от друга. Нижние концы ножен также не смыкаются. По всей вероятности, ножи натягивались на деревянную основу, следы которой сохранились на двух экземплярах. По центру всех ножен идет вертикальная линия из круглых выступающих точек, нанесенных чеканкой с внутренней стороны. В верхней части ножен той же техникой нанесен орнамент в виде сапожков, расставленных в противоположные стороны носками. В верхней части с одной стороны имеется отверстие для подвешивания (табл. II, рис. 8, 9). Подобные ножи в Армении известны в сравнительно небольшом количестве (раскопки Е. Лалаяна в Н. Баязете, А. О. Мнацаканяна в Басаргечаре, раскопки Ж. де Моргана в ущелье реки Дебед и раскопки Е. С. Такайшвили в Ворнаке).

Ко второму типу относятся небольшие обоймы, натягиваемые на деревянные ножи. Вместе с оружием к предметам вооружения относятся панцирные диски и бляхи, которые обнаружены в количестве 11 экземпляров и делятся на несколько типов.

К первому типу относятся три крупных панцирных диска явно от трех разных панцирей. Один из них обнаружен в погребении 2, остальные в третьем погребении. Это круглые диски, диаметром 14—16,5 см, конической формы с массивным шипастым выступом, в центре украшенным четырьмя вертикальными выемками. Края дисков украшены поясками, образованными из штрихов и зигзагообразных линий. С внутренней стороны имеется петелька для пришивания (табл. III, рис. 16—17).

Ко второму типу относятся восемь бляшек, шесть из которых имеют аналогичную с вышеуказанными форму и орнаментацию, но отличаются меньшим диаметром (5—

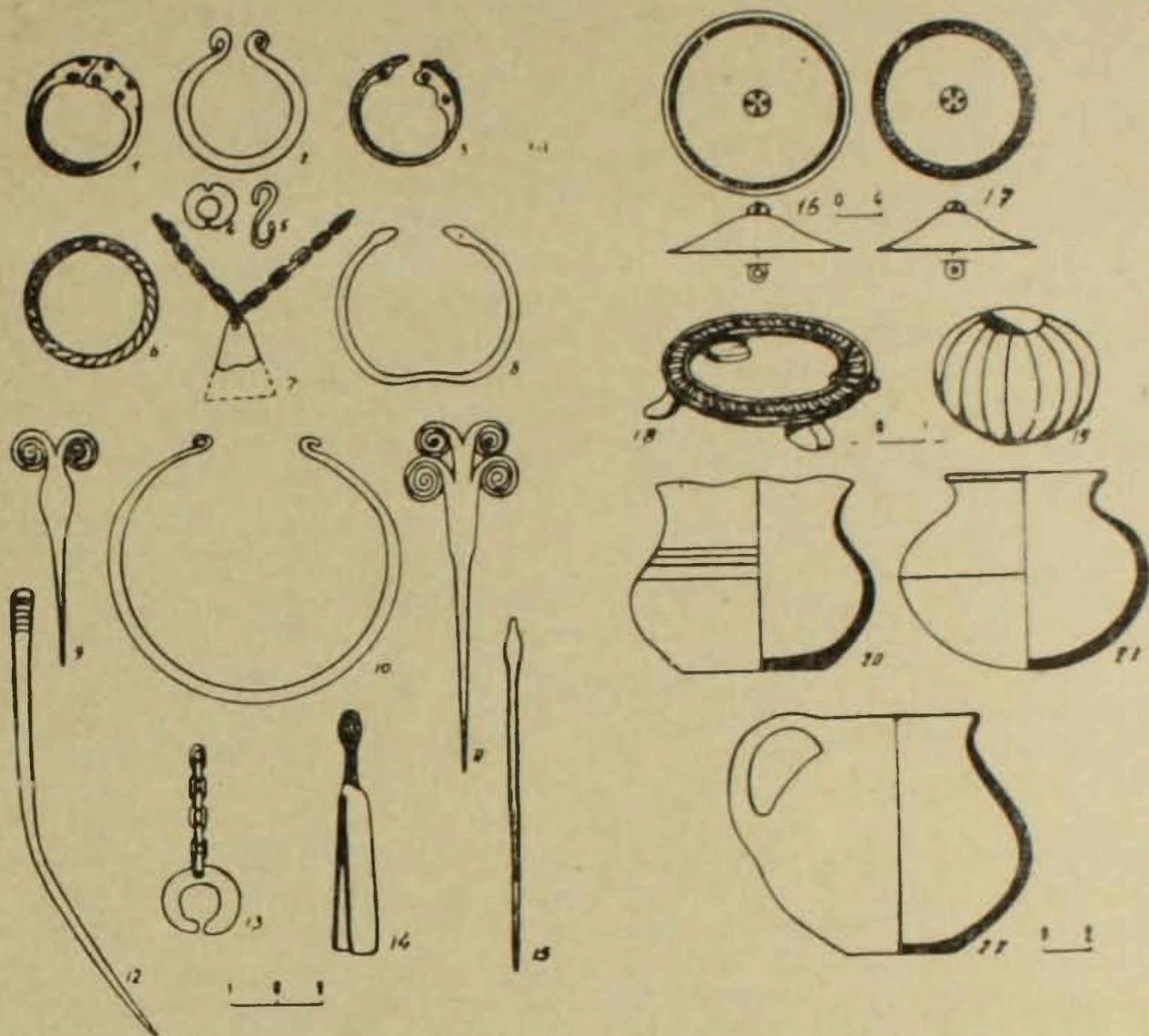

Таблица III.

8 см). Две другие также различны. Одна из них плоская, с завернутыми во внутрь бортами и с внутренней стороны имеет две петельки для пришивания. Вторая полукруглая с одной петелькой для пришивания.

Панцирный диск первого типа известен из Астхи-блуре, где он обнаружен вместе с комплексом изделий VII—VI вв. до н. э.

Кроме бляшек и дисков, в комплексах обонх погребений обнаружены пять небольших пуговок полукруглой формы, внутренние стенки которых соединены прямым стерженьком, образующим петельку для пришивания.

Большую группу образуют предметы украшений в виде различных браслетов, серег, подвесок и т. д., которые делятся на ряд групп.

Гривны обнаружены во втором и третьем погребениях в пяти экземплярах. Четыре из них гладкие, проволочные, с крючками на концах (табл. III, рис. 10). Пятая гривна витая, изготовлена из толстой проволоки с уплощенным крючкообразным концом. Гривна сломана в центральной части. Тог-

да же она уплощена в месте излома и заклеплена двумя железными гвоздями (сохранилась одна половина со следами заклепок). Подобные гривны хорошо известны по находкам в Джжарате.

Интересную коллекцию составляют двенадцать серег, изготовленных из тонкой проволоки. Среди них выделяется одна (условно названная нами серьгой), имеющая форму гривновидной подвески (табл. III, рис. 2). Подобные подвески обнаружены близ Иджевана и в Астхи-блуре в комплексах изделий VI—V вв. до н. э.

Небольшую группу образуют подвески, представленные в семи экземплярах. Шесть из них имеют форму лунниц и изготовлены из тонкой листовой бронзы. В центре имеются небольшие отверстия для подвешивания. В некоторых из них сохранились обрывки бронзовых цепей (табл. III, рис. 4, 7, 13). Подобная лунница происходит из поселения Астхи-блуре, датируемого VI—V вв. до н. э. Седьмая подвеска имеет форму трапециевидного плоского бронзового листа, подвешенного на цепочку.

Новостью для материальной культуры Армении явились крупные булавки, представленные тринадцатью экземплярами. Семь из них — длинные круглые бронзовые стержни с заостренным концом. Верхние, массивные концы украшены 5—6 вдавленными линиями (один экземпляр имеет не круглый, а уплощенный конец; табл. III, рис. 12, 15).

Пять других булавок имеют более роскошную форму. Это цельноотлитые стержни, верхние концы которых уплощены и украшены одной или двумя парами отходящих валов в виде спиралевидных завитков, придающих им форму бараньих головок (табл. III, рис. 9, 11). Подобные булавки во II тыс. до н. э. в большом количестве известны из Северного Кавказа — из Фаскау¹⁴, Северной Осетии и Пятигорья¹⁵, памятников Центрального Кавказа¹⁶, в Чечне¹⁷ и Дагестане¹⁸. Имеются они и в Мингечауре, где они датируются рубежом II—I тыс. до н. э.¹⁹

Большую группу составляют браслеты (23 экземпляра). В основном это простые браслеты, изготовленные из бронзовой проволоки со сходящимися, расходящимися и заходящими друг на друга концами. Имеются также два плоских браслета, украшенных ломаными линиями, кружочками, елочным и заштрихованным орнаментом. Характерен

¹⁴ См. П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, МАК VIII, 1900, табл. XXVI.

¹⁵ См. Д. Я. Самоквасов. Описание археологических раскопок и собрания древностей, М., 1908, стр. 29; Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии до кобанского периода, МИА, 23, 1951, стр. 56—59, рис. 20.

¹⁶ См. Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке города Нальчика, МИА, 3, 1941, стр. 248.

¹⁷ См. В. И. Марковин. Новый памятник эпохи бронзы в Горной Чечне. См. сб.: «Древности Чечено-Ингушетии», М., 1963, стр. 124.

¹⁸ См. В. И. Марковин. Археологические находки с территории Торнаира (Дагестан). КСИИМК, 67, 1957, стр. 122—123, рис. 51. 3.

¹⁹ См. Г. М. Асланов, Р. М. Вандов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур, Баку, 1959, стр. 81, табл. XVIII, рис. 21.

для рассматриваемой эпохи небольшой вшитой браслет с обоймочкой для соединения сходящихся концов (табл. III, рис. 6).

Спределенный интерес для датировки памятника представляют зменноголовые (три экземпляра) браслеты и браслеты с прогибом (табл. III, рис. 1, 3, 8). Первые представляют собой тип браслетов, редко встречаемых в Армении. Они имеют круглое сечение и близко сходящиеся плоские, суженные в центре концы. Наружные их стороны украшены четырьмя кружочками с точечным углублением в центре и оконтурены точечными линиями. Подобные браслеты случайно обнаружены в селах Старый Башкент и Нижний Чамбарак Красносельского района. Эта орнаментация придает браслетам вид четырехглазой змеи и напоминает браслет из погребения близ Иджевана, датируемый VI—V вв. до н. э.; она позволяет выделить локальную форму браслетов, характерных для Северной Армении.

Второй тип браслетов с прогибом принято считать датирующим элементом раннеармянского (ахеменидского) времени, хотя он встречается и позже. Действительно, при анализе материалов всех указанных памятников Армении и Закавказья, имеющих в своих комплексах браслеты с прогибами, их можно датировать V—IV вв. до н. э. Подобные браслеты в Армении известны из Кармир-блур, Джрарата, Атарбекяна, Н. Баязета, Бжни, Ахбаша, Гарни, Гегадира, Джуджевана и ряда других мест²⁰. Такие известны также в Грузии и в ряде других сопредельных стран²¹.

Остальные украшения представлены многочисленными кольцами, перстнями, различными трубочками, колокольчиками, рос-

²⁰ См. Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, вып. I, стр. 19; А. А. Мартиросян. Город Тейшебнани, Ереван, 1961, стр. 138, рис. 62; А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян. Указ. соч., стр. 73; С. А. Есяян. Бронзовые браслеты Гос. музея Армении, «Изв. АН Арм. ССР» (общ. науки), 1964, № 2, стр. 90; Ж. Д. Хачатрян. Археологические находки в Гегадире, «Вестник обществ. наук» АН Арм. ССР, 1966, № 1, стр. 89.

²¹ См. Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 31; Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в Мухета, Тбилиси, 1955, стр. 59.

кошно оформленным пинцетом (табл. III, рис. 14), пряжками и бусами. Среди этих изделий можно выделить крупную бусину из синего стекла, украшенную вертикальными выемками, придающими им форму канелюров (табл. III, рис. 19). Интересны также найденные в первом и третьем погребениях (4 экземпляра) круглые треножники с небольшим носиком, образующим четвертую ножку. Два из них гладкие, а два украшены елочным орнаментом. Назначение их неясно, но может быть, они служили пряжками или подставками (табл. III, рис. 18).

Кроме украшений, здесь обнаружено небольшое точило, изготовленное из речного голыша с отверстием для подвешивания и костяная пряслица.

Рассмотренный материал дает возможность датировать этот интересный комплекс V—IV вв. до н. э., т. е. периодом образо-

вания армянского народа и формирования армянской государственности. Эти находки тем более интересны, что способствуют выявлению близких связей с другими памятниками Северной Армении, Иджевана, Красносельска, Дилижана, датируемыми той же эпохой и образующими локальную группу. В то же время эти памятники имеют связь с комплексами других районов Армении (Джрарат, Кармир-блур, Гарни, Армавир, Двин и др.). Это указывает на то важное обстоятельство, что в рассматриваемое время племена Армянского нагорья были не только объединены политически, но и имели общую и близкую материальную культуру (с небольшими локальными различиями), создающую предпосылку скорого завершения процесса образования армянского народа.

С. ЕСАЯН